

В уездную управу У Фэна доставили без лишних церемоний и сразу же, со спешной небрежностью, швырнули в застенок. За компанию туда же упекли и лавочника Лю.

Запирая тяжелый замок, стражник что-то недовольно ворчал под нос. Перед уходом он зыркнул на обоих арестантов и приказал сидеть тихо: завтра допрос, так что пусть тщательно обдумывают ответы, если не хотят лишиться шкуры.

В камере не нашлось ничего, кроме охалки гнилой соломы и узкого дощатого настила, заменяющего койку.

Стоило У Фэну — детине широкоплечему и массивному, словно каменная глыба — опуститься на нары, как те угрожающе просели и тоскливо скрипнули под его тяжестью. Этот скрип эхом отозвался в замиравшем от ужаса сердце лавочника.

И пускай окончательное решение — гнить за решеткой — принял Сюнь Хайши, винить во всем главу ордена Сюнь молодой генерал не спешил. Зато на хозяина постоянного двора злость так и кипела. Комнату-то отвел он! У Фэн к тому злосчастному шкафу даже не притрагивался, почему ему знать, какая дрянь там лежала?

У Фэн окончательно убедился в своей правоте и поманил лавочника пальцем:

— Эй ты, иди сюда.

Лю задрожал всем телом. Поджав ноги и судорожно комкая подол халата, он мелкими шажками придвинулся на пару дюймов.

— Ближе, — приказал У Фэн.

Тот сделал еще шажок.

— Еще ближе.

Лавочник Лю едва не сошел с ума от страха. Вцепившись в собственные растрепанные волосы, он с глухим стуком рухнул перед У Фэном на колени.

— О господин мой, пощадите! Не ведал я ничего! — запричитал он, обливаясь слезами и размазывая сопли по лицу. — Комнаты слуга убирает, он и словом не обмолвился, что там что-то не так! Откуда мне было знать, что в шкафу кинжал спрятан? Век живи — такой несправедливости не видывал! Кому жаловаться — ума не приложу!

Он рыдал так отчаянно, будто готов был вырвать собственное сердце и преподнести его У Фэну в доказательство невиновности.

У Фэн хоть и отличался прямотой, дураком не был. Жалобный лепет лавочника его не растрогал. Подогнув под себя ноги, он уселся по-турецки. Без присмотра Се Юйсуя он мигом растерял всю покорность и превратился в спесивого господина. Окинув рыдающего Лю высокомерным взглядом, он скрестил руки на груди.

— Сначала выложи все о себе, как на духу. Потом расскажешь, кто занимал ту комнату до меня, и что за история с этим ножом.

Лавочник утер слезы, боязливо покосился на собеседника и, убедившись, что бить его пока не собираются, немного перевел дух.

— Ничтожного зовут Лю... Я человек мирный, честный, лавку содержу в этом городке уже много лет. Стоит вам выйти отсюда, господин, спросите кого угодно — каждый подтвердит! Никакой я не злодей.

Опасаясь, что грозный детина не поверит, лавочник Лю поспешил призвать в свидетели всю округу:

— Клянусь, у любого соседа спросите, все меня знают!

У Фэн нетерпеливо отмахнулся:

— А те, что съехали перед моим заселением? Что за птицы?

Спросив, он сжал кулак размером с добрый булыжник. На широкой ладони вздулись толстые вены, уходящие под рукава. Любому было ясно: приложи он эту силу к голове лавочника Лю, от той останется лишь мокрое место.

Лю испуганно сжался:

— Я... я не расспрашивал! Честное слово, не сойти мне с этого места, не совался я к ним! — Заметив, как нахмурился У Фэн, он торопливо затараторил: — В эти дни постояльцев пруд пруди, кого только нет, особенно этих... из Цзянху. Разве я смею у них что-то выведывать? Одно неверное слово — и зубов не соберешь. Я ведь простой обыватель, куда мне с ними тягаться?

— Но как они выглядели? Хоть какие-то приметы ты должен помнить!

Лавочник наморщил лоб, пытаясь расшевелить память:

— Их было четверо. Все мужчины. На глазах особо не показывались, уходили на рассвете, возвращались затемно. Лиц не разглядеть — носили бамбуковые шляпы-доули с низкой тульей. Носили одинаковые темно-серые одежды из тонкой ткани, легкие такие, летящие. Я еще

подумал тогда: надо же, какие крепкие люди, в такую холорыгу в одном шелку щеголяют.

— И все одеты точь-в-точь одинаково?

— Именно так, — Лю почесал затылок. — Больше ничего и не припомню.

У Фэн опустил голову, сиюсь изобразить глубокую думу.

Для такого крупного, неотесанного детины попытки поразмыслить выглядели довольно комично. Однако перепуганному до смерти лавочнику Лю было не до смеха — он и дышать-то боялся. Единственное, что его утешало: кажется, сегодня его шкуру щадят.

У Фэн был вторым сыном великого генерала умиротворения царства Ци, У Цимина. Почти всю свою жизнь он провел в столице, городе Юань, болтаясь под ногами у Се Юйсуй.

Генерал У в былые годы безвылазно сидел в военных походах. Старшего сына он забрал с собой, а младшего оставил в столице. Супруга генерала отличалась слабым здоровьем и сладить с несносным сорванцом никак не могла. У Фэн еще пешком под стол ходил, когда привязался к Се Юйсуй и стал бегать за ним следом. Если кто на свете и мог урезонить этого буяна, так это строгий отец, застрявший на рубежах, да сам князь Юй.

Отправляясь в нынешнее путешествие, Се Юйсуй лишь вскользь упомянул о поездке. Брать с собой молодого генерала он не планировал — просто предупредил, чтобы тот не устраивал переполох в столице, обнаружив, что княжеское поместье опустело. Кто же знал, что упрямый малый увяжется следом как преданный пес?

И вот теперь верный спутник превратился в обузу, влипнув в грязное обвинение.

У Фэн подпер голову руками — мысли в ней ворочались со скрипом и приносили лишь глухую боль.

В царстве Чжу он оказался впервые и в тонкостях здешней распри ушу и тайных орденов не смыслил. Поди разгадай, кому принадлежали эти летящие серые одеяния! Больше всего его заботило другое: если эта история затянется, не вышлет ли его Се Юйсуй обратно в царство Ци первым же обозом?

Ночь выдалась тревожной для обоих узников. У Фэн, поджав колени, сиротливо ютился на крошечных нарах, а лавочник Лю забился в самый дальний угол камеры, стараясь не отсвечивать.

В глухую полночь вернулись захмелевшие тюремщики. Вспомнив о задержанных, они с явной неохотой швырнули в камеру два черствых маньтоу и миску с пресной, лишенной даже капли масла зеленью.

У Фэн брезгливо отвернулся — есть тюремную баланду из чужих рук он не собирался. Зато лавочник Лю, помедлив и убедившись, что сокамерник не претендует на еду, подполз поближе, забрал одну пресную пышку, а вторую вежливо оставил грозному соседу.

На следующее утро, еще до рассвета, тишину коридора нарушил торопливый стук сапог.

Дремавший чутко У Фэн мгновенно подобрался и сел. Завидев вчерашнего пристава, что крутил ему руки на постоялом дворе, он насупился пуще прежнего.

Однако стражник повел себя странно. Отомкнув решетку, он расплылся в слащавой ухмылке:

— Ну что, соколы, успели показания сговорить? Коль все ладно, выметайтесь на выход.

У Фэн опешил. Смысл этих слов никак не укладывался в его голове.

— Чего застыл, недоумок? Не соображаешь? Оно и к лучшему. Шагом марш!

Не успел У Фэн сделать и шага, как темницу огласил истошный, надрывный рев.

Лавочник Лю пластом распластался перед стражником, колотясь лбом о грязные плиты пола:

— О господин пристав! Молю, выслушайте! Неповинен я, ей-богу! Разве ж я похож на душегуба? У меня дома матушка престарелая, восьмидесяти годов, да малые дети плачут, хлеба просят! На мне одном вся семья держится! Как бы я посмел закон нарушить? Явите милость, рассудите честно!

Видя, что перепуганный торговец пытается вцепиться ему в сапоги, стражник брезгливо отпихнул его ногой:

— Да уйми ты свой вой! На суде перед чиновником слезы лить будешь, мне твои причитания без надобности. А ты чего застыл? — зыркнул он на У Фэна. — Подними этого задохлика да тащи наружу. Опоздаем к началу слушания — с нас обоих шкуру спустят!

Вспыльчивый нрав молодого генерала едва сдерживал бушевавшую внутри ярость. Вчерашняя обида все еще жгла грудь, и препираться с мелкой сошкой он не желал. Обхлопав пыль с одежды и поправив пояс, он величаво, не удостоив стражника даже мимолетным взглядом, проследовал на выход.

Пристав аж побагровел от такой наглости. Не смея тронуть детину, он выместил злость на помощнике, отвесив тому сочного пинка:

— Чего рот раззявил, болван?! Упустишь преступника — сам вместо него на плаху ляжешь!

В зале судебных заседаний за высоким столом восседал чиновник в алом парадном халате. Пояс с серебряными бляхами висел на нем косо, а парадная шапка-пятигуань съехала набок. На его лице читалась глубокая тоска заспанного человека, которого бесцеремонно вытащили из теплой постели и заставили вершить правосудие, даже не дав толком умыться. Картина являла собой жалкое зрелище.

У Фэн, глядя на это карикатурное величие, подумал лишь об одном:

«Если в царстве Чжу все чиновники таковы, к чему тратить время на уговоры? Проще двинуть армию и раскатать их к чертям»

Но судейский чиновник пятого ранга, разумеется, не умел читать мысли грозного детины. Он лениво приоткрыл тяжелые веки, окинул мутным взглядом богатырскую фигуру У Фэна, затем скользнул взором по трясущемуся лавочнику Лю и гнусаво процедил:

— Так это вы, душегубы, лишили жизни военного комиссара по умиротворению, почтенного господина Ляна?

У Фэна от такой наглости едва кондрашка нехватила:

— С каких это пор, господин судья, приговор выносят без единого вопроса? Неужто законы вашей страны велят вершить суд именно так?

— Как судить — дело мое, а не твоя забота, — чиновник лениво зыркнул из-под полуприкрытых век. — Ты же предстал перед судом, а колен не преклонил. Ведешь себя дерзко, правил приличия не знаешь. Совершил злодеяние, а раскаяния в тебе ни на грош, лишь спесь да бунтарство. О, поглядите-ка, теперь к твоим грехам добавился еще один!

Он картинно вздохнул и ткнул пальцем в сторону лавочника:

— Черствость душевная и попытка свалить вину на невинного ради спасения собственной шкуры! Стража! Немедля заковать нечестивца в кандалы!

У Фэн от такого вороха обвинений опешил, но, заметив приближающуюся стражу, расвирепел и зычно проревел на весь зал:

— С какой стати я убийца?! У меня не было ни времени, ни умысла! Выносить приговор лишь из-за подброшенного клинка — безумие, я не признаю этой вины! Или почтенный судья сам

замешан в этом грязном деле и просто торопится повесить на меня всех собак, чтобы прикрыть сообщников?!

— Как смеешь ты, смерд, клеветать на законную власть! Заткните ему пасть! — завопил судья. В ярости он схватил тяжелое деревянное пресс-папье и швырнул его с трибуны.

Брусок с грохотом раскололся у ног У Фэна. Гневно выдохнув, молодой генерал опустил взгляд вслед за брошенным предметом, но тут его внимание привлекла странная фигура по соседству.

— Считаешь, тебя оклеветали? — злобно ухмыльнулся чиновник. — Тогда взгляни на своего сообщника. Не ты ли, желая замести следы и избавиться от свидетеля, сотворил с ним это зверство?

У Фэн ошеломленно воззрился на лавочника.

С момента, как они переступили порог управы, Лю не проронил ни слова. У Фэн, занятый собственной злостью, не обращал на трусливого торговца никакого внимания.

Но теперь, приглядевшись, он похолодел. Лавочник Лю лежал ничком, полузавалившись набок. Его рот был залит густой, еще теплой кровью, а остекленевшие глаза безумно таращились в пустоту. Ослабевшая, скрюченная рука безжизненно вытянулась вперед, и скрюченный палец указывал точно на У Фэна.

События развивались со стремительностью горного обвала. У Фэн застыл, не понимая, что случилось с торговцем и почему тот указывает на него в свой предсмертный миг. Но в глазах суда этот безмолвный жест мертвеца стал неопровержимым обвинением.

— И улика, и свидетель налицо! — торжествующе провозгласил судья, ударив ладонью по столу. — Стража, надеть на разбойника колодки и бросить в темницу смертников!

Разбавленное утренним гомоном птиц, безмолвие комнаты наконец нарушилось. С улицы сквозь щели в рамах потянуло аппетитным паром свежее испеченных паровых булочек-баоцзы.

Шорох, раздавшийся в постели, звучал странно — так передвигается дряхлый старик, волоча негнущиеся ноги по сухому полу, или силится подняться изнуренный долгой болезнью калека, чьи суставы отказываются повиноваться разуму.

Сюнь Хайши со вздохом повел отекившим плечом. Мастерам ушу не пристало жаловаться на подобную слабость, но поврежденные меридианы давали о себе знать: тело казалось чужим и неповоротливым. К тому же всю ночь напролет он лежал без движения, не смыкая глаз и карауля каждое движение Се Юйсуя. Теперь его суставы словно заржавели, отзываясь тупой

болью на малейшее усилие.

Кое-как оторвав спину от циновки, он обнаружил, что князь уже давно на ногах. Тот стоял у окна, слегка приоткрыв створку пальцем, и молча созерцал утреннюю суету.

Сюнь Хайши, придерживая затекшую поясницу, поудобнее устроился среди подушек, натянул одеяло до самого подбородка и с легким прищуром поинтересовался:

— Что же там такого занимательного, Ваше Высочество?

Се Юйсуй отпустил раму, и створка бесшумно захлопнулась. Он уже повернулся, собираясь ответить, как вдруг встретил лукавый, подернутый сонной истомой взгляд главы ордена Сюнь. Тот склонил голову набок и с притворной обидой протянул:

— Неужто на улице отыскалась красавица, способная затмить меня? Стоило ли так усердно разглядывать толпу, бросив меня одного в холодной постели?

Сюнь Хайши отличался редкостной ленью: даже произнося столь бесстыдные и вздорные речи, он не утруждал себя тем, чтобы кривляться или подражать женскому писку. Его голос, чистый и звучный, сохранял легкие юношеские нотки. В нем не было ни девичьей жеманности, ни тонкого визга дворцовых евнухов. Тон его звучал настолько ровно и серьезно, словно он действительно укорял нерадивого возлюбленного.

Се Юйсуй промолчал.

Вчерашнее известие, казалось, не оставило в душе Сюнь Хайши ни малейшего следа. Когда князь напрямик заявил, что тому осталось жить не более трех лет, Сюнь Хайши лишь небрежно обронил: «Вот как?» — и перевел разговор на другое.

Се Юйсуй до сих пор не мог разобраться в собственных чувствах. В зыбком полумраке колеблющегося пламени свечи с лица этого человека — лица, о котором в Цзянху слагали легенды и проклинали шепотом — на миг слетела привычная маска легкомыслия. Его изысканные черты сделались неподвижными, словно вырезанными из холодного нефрита, а взгляд устремился в пустоту.

Это мгновение душевного обнажения промелькнуло столь стремительно, что Се Юйсуй, не отводящий от него глаз, счел это игрой теней. Но эта мимолетная искренность оставила в сердце князя странный, щемящий след.

«Если в подлунном мире и водятся хитрые лисы-оборотни, способные одним движением ресниц похитить чужую душу, то они наверняка выглядят именно так»

Теперь же, при ярком утреннем свете, Сюнь Хайши улыбался тепло и беззаботно, являя собой

само воплощение жизни.

Князь молча разглядывал его несколько мгновений, затем запустил руку за пояс и бросил на постель какой-то предмет.

Это был изящный кинжал глубокого темно-зеленого цвета. Рукоять его украшали крупные драгоценные камни, а когда Сюнь Хайши вытянул лезвие из ножен, по стальной полосе скользнул хищный холодный блик. Даже неопытный взгляд признал бы в нем смертоносное оружие исключительной работы.

Именно эта сталь вчерашней ночью ласкала нежную кожу на шее Сюнь Хайши.

— Великолепный клинок, — одобрил Сюнь Хайши. Он аккуратно повернул кинжал в ладонях. — Только к чему этот щедрый дар? Неужто Ваше Высочество желает сойтись со мной в поединке? Тогда победа дастся вам слишком легко. Я ныне — беззащитный, слабый книжник, мухи не обижу. Сами видели: вчера, когда эта игрушка коснулась моего горла, я даже пальцем не шевельнул.

Он вскинул голову, хитро прищурившись. В уголках его глаз заплясали лукавые искорки.

Одного этого взгляда Се Юйсую хватило, чтобы понять: сейчас этот шельма выкинет очередную глупость.

И действительно, Сюнь Хайши сокрушенно вздохнул и продолжил:

— Неужели почтенный князь воспользовался моей немощью, дабы принудить к... нежным безумствам? Сначала спасаете мне жизнь, затем приставляете нож к горлу... Ах, Ваше Высочество, неужто все эти ухищрения затеяны лишь ради того, чтобы разделить со мной ложе? Какое коварство, какой тонкий расчет...

— Замолчи! — оборвал его Се Юйсуй.

<http://bllate.org/book/20070/2001631>